9 (47)
К 91

А. КУНКЛЬ

АРАКЧЕЕВЩИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА 1929

М 133842

03°

2006 г.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
АЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Выдач

02

133842

СОУНБ им. В. Г. Белинского

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1929 г. № 49—50

1941
3453/б
9(47)
К 91

А. А. КУНКЛЬ

АРАКЧЕЕВЩИНА

АРХИВ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЕЛИКОГО ЕКАТЕРИНБУРГ
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК
Инв. 1930 г. № 133842
СОУНБ им. В. Г. Белинского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1929

9(47) XIX-I пошв.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Главлит № А56.755 Заказ 2205 Тираж 15.000 экз.

Книжная ф-ка Центриздата Народов СССР, Москва, Шлюзовая наб., 10.

Россия в начале XIX века.

Под именем «аракчеевщины» подразумевается мрачное время в русской истории, наступившее во вторую половину царствования Александра I, когда правительство окончательно отказалось от всякого рода освободительных намерений, открыто повернувшись в сторону старых порядков и крепостничества.

Прежде чем говорить о проявлениях «аракчеевщины» в разных областях народной жизни, необходимо остановиться на описании внутреннего и внешнего положения России в начале XIX века.

Если начать знакомство с устройства государственной власти в стране, то по сравнению с XVIII веком мы не заметим особенной разницы. Во главе управления стоял попрежнему самодержавный царь, охранявший прежде всего интересы землевладельческого класса. Но, приглядевшись к состоянию народного хозяйства, нельзя не увидеть некоторых крупных перемен.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Россия, представлявшая собой раньше исключительно земледельческую страну, начинает покрываться сетью фабрик и заводов, количество которых растет с заметной быстротой.

Сильный толчок развитию русской промышленности дала так называемая «континентальная блокада» [1], навязанная Александру I в 1807 году, после неудачной войны с Францией. Суть этой меры заключалась в том, что все государства, состоявшие в союзе с Францией, не должны были торговать с Англией, экономическое могущество которой Франция стремилась сломить.

С лишением страны английских привозных товаров, русская промышленность стала сравнительно быстро расти. Особенно это сказалось в области текстильного производства, то-есть производства материй и тканей. В 1808 году в России была основана первая частная бумагопрядильная фабрика, а в 1812 году в одной Москве их насчитывалось 11; шелковых фабрик в 1809 году было 194, в 1818 году число их возросло до 210; писче-

---

[1] То-есть, недопущение торговли морской державы (Англии) на суше.

Собрание им. В. Г. Белинского

бумажных фабрик в 1807 году было 25, в 1814 году 74; и так далее.

Владельцы этих предприятий были очень довольны русско-французским союзом, так как, избавляя их от английской конкуренции, он открывал им новые источники наживы. Носители промышленного капитала постепенно вырастали в силу; постепенно же стали развиваться и их политические домогательства.

Желая изменить существующий государственный порядок в своих классовых интересах, они стали поговаривать о необходимости ограничения самодержавной власти и установления такой формы правления, при которой, на ряду с дворянством, пользовалась бы политическими правами и буржуазия.

Одним из усердных защитников этой мысли был статс-секретарь царя М. М. Сперанский, написавший целый ряд конституционных проектов. Россия, по его мысли, из самодержавной монархии должна была превратиться в конституционное государство. Власть царя ограничивалась деятельностью Государственной Думы, депутаты которой избирались, конечно, не населением, а только имущими классами.

Собрание им. В. Г. Белинского

На ряду с Думой, учреждался Государственный Совет (состоящий из сановников по назначению царя), но он являлся лишь совещательным учреждением, рассматривавшим все новые проекты министров до внесения их в Государственную Думу. Ни один проект без согласия Думы не мог получить силу закона. В случае нарушения правительством конституции [1], Дума имела право требовать ответа у министров. Попутно с этим, намечалась Сперанским и реформа местного управления. Но планам его не суждено было осуществиться — и вот почему.

Если континентальная блокада оказалась выгодной для русской промышленной буржуазии, то она далеко не отвечала интересам дворянства и связанного с ним торгового капитала. Оба эти класса от разрыва с Англией несли громадные убытки, в виду невозможности переправлять туда русское сырье и получать взамен готовые товары. Так как Сперанский являлся сторонником русско-французского союза, то неудивительно, что деятельность его вызвала резкую оппозицию (недовольство) среди дворян.

---

[1] То-есть — законов об управлении государством, ограничивающих власть царя.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Выразителем их настроений явился историк Карамзин, написавший записку «О древней и новой России», где попытка ввести в России конституцию была подвергнута жестокой критике. Опираясь на примеры прошлого, автор записки пытался доказать, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием».

Резкий тон этой записки сначала было неприятно поразил Александра I, и он стал проявлять сухость в обращении с Карамзиным. Но тот был не один; за его спиной стоял довольно влиятельный класс, с требованиями которого так или иначе приходилось считаться. Оппозиция была настолько сильна, что грозила вылиться в весьма нежелательные формы. Под влиянием страха за свою судьбу, Александр невольно стал прислушиваться к протестующим голосам и критиковать уже самого Сперанского.

На Сперанского из лагеря противников посыпался целый ряд обвинений в «измене». По мере роста неудовольствия дворян, Александр все чаще начинал делать вид, что верит ложным слухам, распускаемым про его статс-секретаря. Наконец, взяв окончательно «но-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

вый курс» внешней политики, он решил отыграться на Сперанском, выставив его виновником всех неудач правительства.

Самая обстановка падения Сперанского как нельзя лучше подтверждает его полную невиновность, бросая мрачную тень на двуличную натуру царя.

17 марта 1812 года Сперанский был вызван неожиданно во дворец, где узнал от царя свою участь: лишение всех чинов, орденов, служебных прав и высылка в Нижний-Новгород [1]. Вот, как описывает последний прием его царем один из современников:

«Ничего не было слышно из-за запертой двери царского кабинета. Затем дверь отворилась, и оттуда вышел Сперанский, страшно возбужденный, совершенно не владеющий собой. Он неверными шагами подошел к подзеркальнику, на котором лежал его портфель, и стал, вместо бумаг, безотчетно засовывать в него треуголку (головной убор). Кто-то из присутствующих побежал за стаканом воды. В это время дверь царского кабинета снова отворилась, и на пороге появился сам государь. Не смущаясь присутствием посторонних,

[1] В виду полученного после этого нового доноса на Сперанского, он подвергся ссылке в Пермь.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

он в слезах быстро подошел к Сперанскому, пожал ему руку и произнес: «Еще раз прощайте, Михаил Михайлович».

Двуличный царь всегда умел позолотять пилюлю. Не даром говорили про него современники, что он «употреблял кнут на вате».

Смывшее Сперанского дворянство выдвинуло на первое место тех самых вельмож, которые стояли во главе оппозиции, и это отразилось прежде всего на перемене курса внешней политики.

Начавшаяся вскоре война 1812 года (с наполеоновской Францией) ознаменовалась взрывом небывалого «патриотизма» (якобы любви к отечеству). Высшее общество насквозь пропитывается националистическими идеями, то-есть стремлением своей русской нацией оттеснить всякую другую; французский язык, издавна почитавшийся дворянством выше русского, теперь вдруг изгоняется из разговорной речи [1]. Это было своего

[1] Припомним, что то же самое было еще недавно в царской России, когда, в последнюю войну с Германией, у нас старательно изгонялась немецкая речь. А ведь в представителях царского правительства гораздо больше текло немецкой крови, чем русской! Так всегда бывает, когда экономика диктует свою волю: тогда второстепенные интересы временно отходят на задний план.—*Редакция.*

СОУНБ им. В. Т. Белинского

рода подвигом для дворян, так как многие из них не могли сказать и двух слов по-русски. Князь Вяземский, например, когда ему случалось говорить на родном языке, должен был предварительно подумать по-французски и потом уже перевести свою мысль на русский язык.

Такого рода патриотам поневоле пришлось нанимать себе русских учителей и учиться у них родному языку.

Но так как одного «патриотического» подъема было недостаточно, а для ведения войны требовалась прежде всего действительная помощь нерешительному александровскому правительству, то господствующие группы и землевладельческий класс не остановились и перед этой якобы жертвой. Целый ряд дворянских обществ вызвался поставить большое число ополченцев (из бесплатных крепостных), до 200.000 слишком ратников, снабдив их всем необходимым. Большие пожертвования были сделаны и русским купечеством. Одна только Москва пожертвовала до полутора миллионов рублей. По-тогдашнему это было много.

А как же отозвался на начатую войну народ, та громадная масса крестьянства, в ко-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

торой численно тонула кучка привилегированных господ, вершивших судьбами России?

Крестьянской массе было не до барского «патриотизма». Она глухо роптала на господ, которые, во имя своих собственных интересов и в охрану крепостничества, посылали ее проливать кровь на полях сражений. Распространился слух, что Наполеон обещает крестьянам волю. Не даром многие из помещиков предсказывали, что накопившееся неудовольствие крестьян может принять в конце-концов очень нежелательный для них оборот.

Московский главнокомандующий Растопчин сообщал в одном из писем к Багратиону, что «чернь день и ночь смешана в трактирах с людьми, коих понятия и сведения внушают через толки дерзость. Начало будет грабеж и убийство, а после бунт людей барских, смерть господ и разорение Москвы».

Кстати, эту же опасность предсказывал и генерал Раевский.

«Я боюсь, — писал он, — прокламаций, чтобы не дал Наполеон вольностей народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств».

Что эти опасения имели под собой почву, видно из крестьянских волнений, происшед-

СОУНБ им. В.Г. Белинского

ших в целом ряде губерний в 1812 году. Помещики нередко становились жертвами разъяренного народа, платясь не только своим добром, но и жизнью. И если при таком положении вещей Наполеон оказался побежденным, то менее всего этому способствовал «патриотический» дух русских солдат.

После занятия Москвы Наполеон принужден был покинуть пределы России, потеряв в ее снегах большую часть своей армии. Но с уходом французов война оказалась далеко не оконченной. Александр I решил преследовать своего противника и во что бы то ни стало стереть его с лица земли. Учрежден был так называемый «священный союз» с Германией и Австрией, якобы против слишком воинственного Наполеона, а в сущности против демократической Франции, влияние которой было особенно опасно для русских крепостников. Помещичья реакция на время победила в Европе.

Разбив французские войска, союзники торжественно вступили в Париж, где принудили Наполеона отречься от престола, который перешел опять в руки Бурбонов, царствовавших во Франции до революции.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Избавившись от Наполеона, союзники свободно вздохнули и принялись за водворение «порядка» в Европе.

Посмотрим же теперь, что представлял собой этот «порядок» у нас в России, и что представлял собой сам Аракчеев, этот примерный душитель свободы, оказавшийся таким нужным для тогдашнего управления в России, человек, по имени которого даже названа целая эпоха.

История возвышения Аракчеева.

Алексей Андреевич Аракчеев родился 23 сентября 1769 года. По своему происхождению он принадлежал к небогатому дворянству, что не помешало ему пробить себе дорогу к власти. Получив дома первоначальное образование, Аракчеев поступил в кадетский корпус, где сразу обратил на себя внимание начальства усердным соблюдением всех заведенных порядков. Товарищи же его не любили за черствость сердца и мрачную отчужденность от окружающих.

В 1787 году Аракчеев был произведен в офицеры. Любовь к военной муштре и дух строжайшей дисциплины и слепого подчине-

Собрание им. В. Г. Белинского

ния завоевали ему расположение наследника престола Павла Петровича. Аракчеев показался нужным, и его поставили во главе всех гатчинских войск.

С воцарением Павла I, на Аракчеева посыпался ряд новых милостей: 7 ноября 1796 года он был произведен в генерал-майоры и назначен на пост коменданта Петербурга, а через несколько дней получил в дар от царя знаменитую впоследствии Грузинскую волость в Новгородской губернии.

Достигнув высокого положения, Аракчеев начал проявлять в обращении с подчиненными грубость, безнаказанно оскорбляя их при каждом удобном случае. Это не только по отношению к низкопоставленным лицам, но и к чиновным.

Однажды он забылся до того, что обругал последними словами полковника Лена, который немедленно застрелился. Это обстоятельство не прошло для него безнаказанно. По приказу Павла I, Аракчеев был уволен в отставку, но в том же году был помилован, назначен на пост инспектора всей артиллерии и возведен в графское достоинство. На гербе

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Аракчеева Павел I собственноручно написал: «без лести предан» [1].

1 октября 1799 года Аракчеев вторично подвергся опале — за ложное донесение в пользу своего брата. Отстраненный от должности, он поселился в своей вотчине Грузино, где прожил до воцарения Александра I. Последний вызвал Аракчеева в Петербург и восстановил его во всех правах. 13 января 1808 года он был назначен военным министром и произведен в генералы от артиллерии.

В конце того же года состоялось распоряжение Александра I, гласившее: «объявляемые генералом от артиллерии графом Аракчеевым высочайшие повеления считать именными нашими указами». Вскоре после этого Аракчеев занял место председателя военного департамента в Государственном Совете с правом присутствовать в сенате и комитете министров.

Желая подчеркнуть свое расположение к нему, Александр I посетил Грузино и отозвался с похвалой об организации здесь сель-

---

[1] Слова эти давали повод к остротам современников, переделывавших букву „з“ на „с“, в результате чего получалось „бес лести предан“.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

ского хозяйства, которое «есть первое основание хозяйства государственного».

Проявленная Аракчеевым распорядительность во время войны 1812 года еще более упрочила его положение. После победы над Наполеоном он становится первым лицом в государстве. Все доклады министров, прежде чем попасть к царю, проходят через руки Аракчеева. Предварительная явка на поклон к нему сделалась неизбежной для всех, кто хотел чего-нибудь добиться.

Но, расточая наружно комплименты по адресу всесильного временщика, современники его в действительности ненавидели. В дошедших до нас их воспоминаниях он обрисован с очень непривлекательной стороны.

«По наружности Аракчеев похож на большую обезьяну в мундире, — пишет Саблуков. —Он был высок ростом, худощав и жилист; в его складе не было ничего стройного, так как он был очень сутуловат и имел длинную, тонкую шею, на которой можно было бы изучать анатомию жил, мышц и т. п. Сверх того, он как-то судорожно морщил подбородок. У него были большие мясистые уши, толстая, безобразная голова, всегда наклоненная в сторону; цвет лица его был нечист, щеки впалые,

Сонь им. В. Г. Белинского

нос широкий и узловатый, ноздри вздутые, рот большой, лоб нависший. Чтобы дорисовать его портрет, — у него были впалые серые глаза, и все выражение его лица представляло странную смесь ума и злости».

Отталкивающей внешности Аракчеева вполне соответствовали и внутренние качества.

«Полон злости, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести»...

написал в своих стихах про него Пушкин.

Аракчеев действительно был злобным человеком. Тиранить своих подчиненных ему доставляло высшее наслаждение.

Уже один вид его приемной наводил на всех ужас. Служивший под его начальством генерал Маевский описывает ее, как какой-то застенок[1]. В преддверии посетителя встречает курьер и ведет через большие сени в адъютантскую; отсюда направо — канцелярия царя, налево — департамент Аракчеева, а прямо — приемная.

«Везде глубокая тишина, на всех физиономиях страх; всякий бежит от вопроса и ответа, всякий движется по мановению колокольчика, и почти никто не открывает рта.

---

[1] Застенок—место, где производились пытки.

СОУНБ им. В. Г. Белинского
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ... ТЕКИ

Это — тайное жилище султана, окруженного наемными прислужниками».

Приемная Аракчеева была великой школою терпения для посетителей. Один из его современников, Фишер, рассказывает в своих воспоминаниях, что однажды, уже при Николае I, дожидаясь в приемной Клейнмихеля, он проговорил:

— Какая скука ждать, не зная, долго ли это будет!

Бывший тут же старичок Ольденборгер даже вздрогнул и взглянул на него с трепетом.

— Что с вами? — спросил Фишер.

— Ах, — отвечал старичок, — надобно быть очень осторожным в приемных, — и рассказал при этом о следующем случае, происшедшем с ним в прежние годы:

— Ждал я как-то в приемной графа Аракчеева; ждал часа два; ну... молод был, дела было пропасть; вот я и сказал:

— Ах, скоро ли примет меня граф?

Адъютант входил к графу и выходил, звали того и другого, а я — жду. Перед обедом уже адъютант объявляет мне, что его сиятельство приказал мне притти назавтра в 8 часов утра. Пришел. Жду, жду... В 2 часа граф проходит мимо со шляпой, не глядя на меня, едет со

СОУНБ им. В. Г. Белинского

двора; в 4 часа возвращается, проходит мимо, не глядит на меня, а я дошел почти до обморока. Слышу — сел обедать. В 6 часов приказывает мне явиться завтра к 7 часам утра. Я смекнул, в чем дело. Еду на другой день, взял в карман корку хлеба и несколько мятных лепешек. Опять жду, но уже спокойно. Наконец, в 12 часов зовут меня к графу. Когда я вошел в кабинет, граф говорит:

— Ну, что, любезный, привык?

Аракчеев считал своим долгом перевоспитывать подчиненных и ничуть не церемонился в разговоре с ними.

Однажды у него произошла с генералом Маевским следующая любопытная сценка.

— Садитесь, ваше превосходительство, — сказал Аракчеев Маевскому, — вас бог одарил остроумием, и вы могли бы быть министром; но у вас такой спорный характер, что вы ни с кем не уживетесь. Чуть вам скажешь слово, у вас на лице формируется намерение солгать, притвориться, вывернуться. Посмотри даже и теперь в зеркало, ты это тотчас заметишь. Вы говорите, что я называю вас всех генераликами. Нет, я постоянно с вами, как генерал с генералом.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

— Ежели отражение физиономии есть печать чувств, — ответил Маевский, — то ваше сиятельство согласитесь, что нельзя быть равнодушным, когда вы нас браните.

— Я вас не браню, а взыскиваю, — сказал Аракчеев, возвышая голос, — я начальник, и никто мне не запретит взыскивать.

Маевский встал.

— Как вы осмеливаетесь делать мне грубость и непослушание, когда я приказываю вам сидеть, а вы встали!.. Извольте сесть!

Маевский подчинился приказанию и затем сказал:

— Позвольте, наконец, откровенно доложить вашему сиятельству: какая приятность в такой службе, где с самым чистым и пламенным усердием поминутно трепещешь суда или крепости?

— А что же за беда? — возразил Аракчеев. — Я сам был под судом и в крепости, а все я — Аракчеев.

— Вас природа одарила гением и твердостью характера, — сказал Маевский. — Я, напротив, не перенесу такого страдательного положения.

При этих словах он встал и отошел к двери.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

— Не думаешь ли ты уйти? — закричал Аракчеев. — Я приказываю вам остаться!

Аракчеев начал читать и писать, а Маевский сидел молча, точно наказанный школьник.

Наконец, гнев графа остыл, и он сказал примирительно:

— Хорошо, что я тебя не отпустил; вот идет дождь, ты человек горячий, простудился бы и умер.

Но тут же, опять впадая в гневное раздражение, закричал:

— Не думаешь ли итти в отставку? Нет, от меня дешево не отделаешься!..

Аракчеев не принадлежал к числу тех людей, которые быстро воспламеняются, но отходчивы в своем гневе. Нет, он, напротив, долго таил злобу и при каждом удобном случае старался уязвить неугодившее ему лицо. Будучи очень высокого мнения о своей особе, он терзался завистью, если кому-нибудь из придворных удавалось снискать расположение царя.

Когда Александр I, в благодарность за верную службу, поцеловал однажды Растопчина, то Аракчеев, поздравляя последнего с знаком царской милости, прибавил:

СОУНБ им. В. Г. Белинского

— Он никогда не целовал меня, хотя я ему служу с тех пор, как он царствует.

Присутствовавший при этом Балашев сказал Растопчину:

— Будьте уверены, что Аракчеев никогда не забудет и не простит вам этого поцелуя.

Предсказание его оправдалось в полной мере.

Проявляя необыкновенную заносчивость на каждом шагу, Аракчеев при виде опасности моментально съеживался и способен был на самое унизительное низкопоклонство.

Когда генерал Мертваго вступил в должность главного провиантмейстера, то Аракчеев, пригласив его к себе в кабинет, приказал генералу Копьеву читать тетрадь с описанием недостатков, обнаруженных при его предшественнике. Чтобы окончательно запугать нового человека, Аракчеев во время чтения, злобно потупя глаза, произнес:

— Если это правда, так я генерал-провиантмейстера арестую.

Мертваго смолчал, но, приехав домой, тотчас написал царю прошение об отставке. Александр I потребовал объяснения у Аракчеева, который, в его присутствии, просил

Сочинения В. Г. Белинского

прощения у Мертваго, обвиняя себя в неуживчивости.

Но это не прошло Мертваго даром.

«С тех пор,—пишет он,—Аракчеев непрестанно ставил меня на пробу; мне было ясно, что он хочет меня запугать и погубить»...

Так обращался Аракчеев даже с высшими,—что же сказать о низших?

Этот жестокий человек, способный на самые утонченные истязания своих подчиненных, по натуре был труслив. Он любил вмешиваться в военные распоряжения со стороны, но сам отказался участвовать в битве с Наполеоном, сославшись на слабость нервов.

Как все деспоты, он страдал припадками мнительности.

В бытность Аракчеева в Грузине, ему однажды доложили, что по дороге показались быстро скачущие тройки. Он сильно побледнел, схватил заветную шкатулку и, бросившись в экипаж, быстро умчался. Аракчеев скакал без передышки весь день, переночевал у какого-то помещика, а утром опять продолжал бегство. Прибыв в Новгород, он посетил вице-губернатора. И что же оказалось? Мимо его имения просто-напросто ехала с праздника

СОУНБ им. В. Г. Белинского

какая-то подгулявшая компания, которой попались резвые лошадки.

Чтобы закончить характеристику Аракчеева, остается сказать еще несколько слов о его обращении с крестьянами.

Аракчеев-помещик.

В восьмидесяти верстах от Новгорода, на правом берегу Волхова, раскинулась любимая вотчина Аракчеева — Грузино, которую он охотно показывал всем приезжающим, выслушивая, как нечто должное, их восторженные отзывы.

Один из современников Аракчеева (фон-Брадке), имевший возможность осмотреть тщательно его дом, пишет:

«Двухъэтажное каменное здание скорее слишком мало для своего назначения, но выстроено и отделано с роскошным комфортом (удобствами); вы могли там найти совершенно просто расставленными драгоценнейшие предметы из Парижа, Лондона и Италии, великолепнейшие картины и образцовые произведения знаменитых ваятелей—большею частью подарки царя, желавшего польстить привязанность графа к Грузину.

Сонь им. В. Г. Белинского

«Против дома, на расстоянии 150 сажен от него, стоит прекрасный собор, украшенный богатейшими образами. Между этими двумя зданиями выстроенные для гостей домики составляют красивую улицу. Парк величествен, и прекрасная река Волхов, на берегу которой он расположен, еще умножает его прелесть. Все это украшается множеством хозяйственных построек, в том же стиле сооруженных, кладовыми, руинами[1] и беседками.

«Из парка можно было осмотреть почти все имение, состоявшее из слишком 3.000 душ. Прекрасные деревни—множество домов с зеркальными стеклами,—соединенные между собой шоссейными дорогами, представляли весьма живописную общую картину».

Подобные рассказы о внешнем блеске Грузина не раскрывают, однако, его внутренней жизни, о которой мы узнаем из других, более прозаических документов. Это—сохранившиеся в местном архиве различные распоряжения Аракчеева, касающиеся вопросов управления вотчиной.

Из них видно, что вся эта вылощенность и красота покупались ценой порабощения кре-

[1] Руины—развалины.

СОУНБ им. В. Т. Белинского

стьян, жизнь которых представляла собой сплошную каторгу.

Запряженные в работу, они должны были рубить лес для распространения покосов и пашни, строить шоссе, рыть канавы, возить на своих лошадях камни для построек и тому подобное. За малейшую неаккуратность при выполнении приказа налагалось наказание.

Нуждаясь в строительном материале, Аракчеев завел кирпичные заводы, куда отправлялись на работу за разные провинности крестьяне и крестьянки.

На ряду с этим, применялась и порка. В Грузине стояли всегда кадки с рассолом, в которых мокли прутья, приготовленные для расправы с крестьянами. Аракчеев сам осматривал спины наказанных, и если у них оказывалось мало кровяных знаков, то он приказывал возобновить порку. Чтобы угодить этому извергу, крестьяне, идя к нему на смотр, резали цыплят и мазали их кровью свои рубцы.

Опутанные целым рядом различных постановлений, они жили в постоянном страхе.

Некоторые из требований Аракчеева могут показаться теперь прямо невероятными. Он предписывал женщинам рожать ежегодно детей, и притом мальчиков. За рождение доче-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

ри полагался определенный штраф; за мертворожденного ребенка—также штраф, но более высокий, а за бесплодье, кроме штрафа, требовалось еще представление десяти аршин холста.

Ставя своих крестьян на одну доску с породистым скотом, Аракчеев заботился об устройстве браков среди них, сам намечая на бумаге, кого и на ком следует женить. Если староста докладывал, что одна из сторон противится, он писал резолюцию: «согласить».

Гнетущая обстановка жизни в Грузине сделала то, что даже многие полезные мероприятия Аракчеева не достигали своей цели, разбиваясь о недоверчивое отношение к ним крестьян.

Из этих мер следует прежде всего упомянуть об образовании в селе Грузине банка (1820), выдававшего крестьянам беспроцентные ссуды на различные хозяйственные надобности. Затем—открытие больницы, врач которой объезжал в определенные сроки селения, с целью оказания на местах медицинской помощи.

Из сохранившихся в грузинском архиве его рапортов видно, что наиболее распространенными здесь болезнями были горячка, лихорад-

Собрание им. В. Г. Белинского

ка (изнурительная и желчная), а также сифилис.

Конечно, оберегая здоровье крестьян, Аракчеев, как хороший хозяин, думал прежде всего о своих интересах. Заболевание крестьянина означало потерю рабочей силы; своевременной же подачей медицинской помощи можно было спасти работника для хозяйства. Эти же соображения побудили Аракчеева сделать обязательными предохранительные прививки против оспы и издать «Краткие правила для матерей», в которых указывалось, как нужно воспитывать свое потомство.

Старания Аракчеева привить грамотность крестьянам не увенчались успехом. В 1820 году во всей волости было не более 20 грамотных, считая в том числе вотчинного голову и всех стариков.

Борьба с пьянством велась также довольно неудачно. Несмотря на грозные кары за этот порок, большинство крестьян продолжало пить тайно, так как находило в этом единственное утешение от жизненных невзгод.

Особенно упорным неисполнителем приказа Аракчеева являлся грузинский голова Павел Шишкин, который, напиваясь довольно часто, умел, в случае призыва в графский дом, быст-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

ро отрезвляться. Аракчеев решил поймать его врасплох. Узнав однажды, что голова вернулся домой пьяным и еле стоит на ногах, он приказал ему немедленно явиться. Но Шишкин не растерялся. Он вылил на себя два-три ведра холодной воды, быстро протрезвел и отправился к барину. Аракчеев был поражен, когда увидел перед собой твердо и спокойно стоящего человека. Он внимательно осмотрел его с головы до ног и только в лице заметил краску.

— Ты опять пьян?—грозно спросил Аракчеев.

— Никак нет, ваше сиятельство: за мною этого греха не бывает, — уверенно ответил Шишкин.

— С чего же ты так красен?—продолжал допрашивать Аракчеев.

— Верно, с чаю: смею доложить вашему сиятельству, сейчас только чай пил,—последовал ответ.

Аракчеев подошел ближе и почувствовал, что от Шишкина несет спиртом. Выведенный из себя этой выходкой, он закричал:

— А коли ты с чаю пьян бываешь, то я тебе, братец, с этого времени запрещаю строго

СОУНБ им. В. Г. Белинского

чай пить. Помни же ты это и делай, что приказываю!

Голова, однако, не бросил пить, но после этой встречи стал еще осторожнее.

Ближайшей помощницей Аракчеева по управлению вотчиной являлась его любовница Настасья Федоровна Минкина, не уступавшая в жестокости всесильному временщику.

Грузинская драма.

О прошлом Настасьи Минкиной почти не сохранилось сведений. Из рассказов об этой женщине не видно, где она родилась, кто были ее родители, и при каких условиях произошло сближение ее с Аракчеевым. Известно лишь, что уже в первый год своей женитьбы на восемнадцатилетней дворянке Наталье Хомутовой (1806) Аракчеев соорудил в парке чугунную вазу в честь Минкиной.

Питая страсть к хорошеньким женщинам, он постоянно изменял жене, но от нее требовал верности и ревновал ее ко всем. Такая обстановка надоела молодой женщине, и она бросила мужа. Это обстоятельство еще более сблизило Аракчеева с Минкиной, которая хотела стать не только его любовницей, но и другом.

СОУНБ им. В.Г. Белинского

Она старалась взять и своей хозяйственной деловитостью, и грубой лестью, и постоянными заверениями в преданности.

Не чая души в своей любовнице, Аракчеев, тем не менее, изменял и ей довольно часто. Минкина относилась снисходительно к этой слабости, и тайно сама платила ему тою же монетой. Разыгрывая из себя верную супругу, она писала Аракчееву в одном из писем (1819): «Вам не надобно сомневаться в своей Насте, которая каждую минуту посвящает вам. Скажу, друг мой добрый, что часто в вас сомневаюсь, но все вам прощаю; что делать, если молоденькие берут верх над дружбою, но ваша слуга все будет до конца своей жизни одинакова».

В это время Аракчееву было лет под 50, а Настасье за 35.

Опасаясь, что он может к ней впоследствии охладеть, Минкина решила упрочить свою связь рождением ребенка. Во время длительной отлучки Аракчеева из Грузина она разгласила ложный слух о своей беременности, а затем взяла на воспитание чужого ребенка. При известии о рождении «сына» Аракчеев пришел в восторг. Мальчика прозвали Михаилом Андреевичем и дали фамилию Шумский.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

После этого Аракчеев стал еще внимательнее к Минкиной, охотно выполняя все ее прихоти. Несмотря на свою скупость, он положил в банк на имя Настасьи 24.000 рублей, записав ее в купчихи.

Минкина заведывала всем грузинским хозяйством: следила за работами, разводила цветники, варила варенье, отправляла в Петербург для Аракчеева провизию, регулярно делясь с ним в своих письмах различными хозяйственными заботами.

«Отец мой, граф!—писала она летом 1820 года,—я получила ваши милые письма, за которые целую ваши ручки и ножки. За галстук также целую ваши ручки. Если вас мне не беречь и не любить, то я недостойна и по земле ходить. Вы, мой отец, все мне сделали; вы любите моего Мишу. Неужели я могу все это забыть? Всегда прошу бога о сохранении вашего здоровья и продолжении жизни вашей на многие годы, чтобы нам, сиротам, видеть отца и благодетеля нашего веселого между своих подданных».

После этого нежного вступления следует отчет о состоянии хозяйства:

«У нас в доме все, слава богу, хорошо: люди здоровы, а также скот и птицы благополучны.

Собрание им. В. Г. Белинского

Лошадей проезжают, как при вас было. Посылаю вам записку, из которой можете видеть, что я езжу по деревням. Крестьяне все на своих работах. Работы их, слава богу, хорошо идут»...

Аракчеев охотно читал эти послания и в благодарность присылал своей любовнице разные подарки. В тех случаях, когда он оказывался недогадливым, Минкина сама напоминала ему:

«Когда вы будете в Москве,—писала она,—то купите мне на капот черного бархату 14 аршин хорошего, за что я буду заслуживать ваши ко мне милости. Также, когда будете в Варшаве, то башмаки прошу по образцу. Прости, друг и отец мой! Еще, если будете в Одессе, прошу купить турецкий черный платок, хороший. Прости смелости моей, если беспокою отца моего. Умоляю у ног ваших, не сердитесь на свою Н.».

Имея такого «надежного» друга в Грузине, Аракчеев мог не беспокоиться за судьбу своего хозяйства.

Минкина ничуть не уступала ему в жестокости и, в случае малейшего упущения со стороны крестьян, подвергала их жестоким наказаниям. Она являлась своего рода бичом для

Собственность Б.Г. Белинского

дворовых, которые долго не могли понять причины столь неограниченного доверия к ней графа и стали подозревать здесь колдовство.

Про нее ходило много разных легенд. Рассказывали, что у Настасьи была какая-то волшебная собачка, оказывающая ей разные услуги, что она собирала втихомолку каких-то ядовитых гадов, которых зачем-то варила, и тому подобное. Все эти слухи еще более усиливали страх перед жестокой женщиной, доведшей многих своим обращением до самоубийства.

Не проходило дня, чтобы кого-нибудь из крестьян не истязали по приказу Минкиной. Некоторые подвергались порке по два раза в день.

Для усмирения непокорных существовало особое строение во дворе (нечто в роде домашней тюрьмы), которое носило странное название «едикуль».

Часто, не ограничиваясь наложенным ею на крестьян наказанием, Минкина жаловалась еще Аракчееву, который изобретал для них новые мучительства. Много натерпелся от нее горя даже исправлявший должность полицеймейстера дворовый человек Синицын, кончивший тем, что утопился в 1824 году.

СОУНБ им. В.Г. Белинского

Однажды вздумалось Минкиной осмотреть у дворецкого Стромилова погреб. Отправившись с ним туда, она нашла беспорядки. Дважды был жестоко наказан за это дворецкий, да еще Минкина пригрозила ему, что расскажет обо всем графу. Стромилин пришел в отчаяние и зарезался. Это было 17 августа 1825 года.

Не освобождались от истязаний даже старики и женщины.

Замученные ею дворовые, собираясь, стали поговаривать, как бы избавиться от ненавистной экономки.

У Минкиной было три комнатных девушки: Татьяна Аникеева, Прасковья Антонова и Федосья Иванова. Подвергаясь вечно несправедливым преследованиям, они решили извести свою мучительницу.

Еще в 1821 году Прасковья передала своему брату, шестнадцатилетнему поваренку Василию Антонову, добытый ею где-то мышьяк с поручением подмешать его в соус. Но Минкина немного поболела и скоро вылечилась. Ряд других покушений в этом же роде также окончился неудачно. Экономка продолжала свирепствовать, особенно обрушиваясь на мо-

СОУНБ им. В. Г. Белинского

лодых горничных, в которых видела опасных конкуренток (соперниц) себе.

Минкина не могла простить девушкам их миловидности и красоты. Часто один вид их вызывал у нее приступы злобы.

Когда однажды Прасковья вошла в комнату к Минкиной, чтобы причесать ее, та вырвала у девушки из рук раскаленные щипцы и обожгла ей все лицо. Искалеченная Прасковья бросилась с рыданиями на кухню, ища защиты у брата. Василий Антонов, не помня себя от гнева, схватил нож и побежал в комнату к экономке, где последовала развязка драмы. Минкина яростно защищалась и громко кричала на весь двор, но никто не явился к ней на помощь.

По рассказам очевидцев, все тело ее было изуродовано многочисленными ранами, а голова еле держалась на шее.

Произошло это 10 сентября 1825 года. Аракчеева в момент убийства не было в вотчине: он находился в тридцати верстах от Грузина. Немедленно к нему послали верхом грузинского голову с поручением не пугать его сразу, а сказать, что Минкина сильно больна.

При получении этого известия Аракчеев заплакал и, бросив все дела, поспешил домой.

СОУНБ им. Р. Т. Бикинского

Подъезжая к Грузину, он встретил своего домашнего человека, капитана Кафку, который ничего не знал о принятой предосторожности.

— Что Настасья Федоровна? — спросил Аракчеев.

— Нет никакой помощи, ваше сиятельство, — ответил тот, — голова осталась на одной только кожице.

Аракчеев понял, в чем дело, и остолбенел. Потом он заревел диким голосом и, выскочив из экипажа, с воплем бросился на траву, рвал на себе волосы, рвал землю, бился в судорогах и кричал:

— Убили, убили ее, так убейте же и меня, зарежьте поскорее!

Вид его был ужасен, пена клубилась у рта. Собравшийся народ стоял в безмолвном ужасе, не зная, что предпринять. Доктор с трудом усадил Аракчеева в экипаж и повез его в Грузино.

Он долго рыдал над трупом Минкиной и похоронил ее в соборе, сделав над могилой такую надпись: «Здесь погребен 25-летний друг Анастасия, убиенная дворовыми людьми села Грузина за искреннюю ее преданность к графу».

Собрание им. В. Г. Белинского

Познакомившись с личностью всесильного временщика, мы можем перейти к характеристике вводимых им порядков.

Военные поселения.

Наиболее ярко проявилась деятельность Аракчеева в организации военных поселений, которые стали насаждаться в России по желанию Александра I.

Система военных поселений заключалась в том, что целый ряд земель был изъят из гражданского ведомства и подчинен военному министерству. Население этих местностей освобождалось от всяких податей и повинностей, но зато должно было комплектовать из своей среды и содержать у себя воинские части.

Превращаясь в солдат, живших в особо устроенных военным ведомством домах, крестьяне занимались попрежнему полевыми работами, не отлучаясь от своей семьи. Каждая деревня составляла роту, над которой ставилось военное начальство.

Первый опыт осуществления этого плана был проделан в 1810—1811 году в одной из волостей Могилевской губернии, но он был

СОУНБ им. В. Г. Белинского

непродолжителен. В 1812 году разыгралась война с Францией, благодаря чему расселенный здесь Елецкий полк выступил в поход.

В 1816 году Александр I решил возобновить прерванный опыт, при чем на этот раз была выбрана Новгородская губерния, где находилось имение Аракчеева Грузино.

Как видно из слов работавшего здесь по организации поселений поручика Брадке, природные условия местности являлись весьма неблагоприятными для осуществления намеченного плана.

«В Новгородской губернии, — пишет он, — в округе 1-й гренадерской дивизии, почти сплошной лес и притом уже устаревший, попорченный, с обширными и глубокими болотами, весьма затруднительными для обработки; население, большею частью, весьма мало занимавшееся земледелием, благодаря близости столицы и большой судоходной реке Волхову; грунт — глина с глинистою же подпочвою, при сыром и холодном климате, требующем громадных усилий при обработке».

Несмотря на эти трудности, Аракчеев принялся за выполнение порученного ему дела весьма энергично, совершенно не считаясь со

СоуНБ им. В.Г. Белинского

степенью подготовленности своих подчиненных.

В этом отношении весьма характерен случай, происшедший у него с тем же Брадке.

Вызвав его к себе в Петербург (1819), Аракчеев сказал:

— Цвиленев[1] прислал на мое утверждение множество докладов по делам, которые зависят совершенно от местных условий. Поэтому я посылаю вас туда, чтобы вы на месте дали ему именем моим нужные разрешения...

Брадке испугался такого ответственного поручения и откровенно признался, что он ничего не смыслит в сельском хозяйстве, не умеет даже отличить овес от ржи.

— Это глупости, — возразил Аракчеев. — Поручения должны быть исполняемы, коль скоро на вас лежит служебная обязанность.

— А если я исполню их дурно по действительному неведению? — спросил Брадке.

— Тогда я вас отдам под суд, — ответил Аракчеев.

Против такого довода нельзя было ничего возразить, и оставалось лишь подчиниться приказанию.

---

[1] Начальник поселений в Могилевской губернии.

Собственность В.Г. Белинского

«Я принял в соображение, — пишет Брадке, — что в самом деле не было другого чиновника, который бы знал это дело, и, положившись на успех моих новгородских занятий, решил послушаться. Четыре месяца мне пришлось прожить в Могилеве. Я кинулся собирать местные сведения, работал и обсуждал, учился и учил в одно и то же время и, наконец, оставил генералу Цвиленеву общее наставление о хозяйственном управлении колониями.

По возвращении в Петербург, граф выразил мне полнейшую благодарность, но прибавил с насмешкою:

— Видишь, все идет хорошо, коль скоро есть добрая воля!

Я отвечал, что доброй воли тут мало, а надобно знать дело, с чем он решительно не согласился».

В результате стараний Аракчеева, военные поселения были образованы в шести губерниях: Петербургской, Новгородской, Могилевской, Слободской-Украинской (Харьковской), Екатеринославской и Херсонской. В военное ведомство было зачислено 748.519 крестьян.

Водворенные со своими семьями в особых домах, наподобие казарм, они должны были

Собственность В. Г. Белинского

являться ежедневно на учение, поглощавшее у них массу времени. На ряду с этим, крестьяне несли и полевые работы, в которых им помогали солдаты расселенных по волостям полков.

Жизнь каждой деревни регламентировалась [1] военным начальством до мельчайших подробностей. Вставание с постели, ученье, отдых, опять ученье и, наконец, сон — все это совершалось в раз навсегда установленные часы. Никаких уклонений от принятого порядка не допускалось, и даже такой вопрос, как выбор невесты, не мог быть решен крестьянином по своему усмотрению.

Выстроив в две шеренги парней и девушек, полковник «расписывал» невест по женихам, совершенно не считаясь с их взаимной склонностью.

Порядки эти глубоко возмущали крестьян. В военных поселениях часто вспыхивали волнения, подавляемые правительством с беспощадной жестокостью.

О способах расправы с «бунтовщиками» много говорится в переписке Аракчеева с Александром I. Вот, что писал он, например,

---

[1] Регламент значит—устав.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

24 августа 1819 года по поводу брожения на Чугуевских военных поселениях (в 32 верстах от города Харькова):

«Тогда военный суд был окончен и представлен ко мне на конфирмацию [1], по коему приговорено к лишению живота 275 преступников; я дал предписание дивизионному командиру генерал-лейтенанту Лисаневичу, что утверждаю его мнение о наказании их шпицрутеном [2] каждого через тысячу человек по двенадцати раз, с тем, чтобы наказание сие было учинено в первый день только сорока человекам, из главнейших преступников. Определенное наказание произведено в Чугуеве 18 августа, и к оному были приведены из Волочанска все арестанты и из Змиева главнейшие бунтовщики...

«Ожесточение преступников было до такой степени, что из сорока человек трое, раскаявшись в своем преступлении, просили помилования; они на месте же прощены, прочие 37 наказаны; но сие наказание не подействовало на остальных арестантов, при оном бывших, хотя оно было строго и примерно... Впрочем,

---

[1] Конфирмация — утверждение.

[2] Шпицрутены — длинные гибкие прутья (имели около вершка в толщину и около сажени длины).

СОУНБ им. В. Г. Белинского

при сем наказании присутствовали медицинские чиновники, кои прекращали оное по силе и слсжению каждого преступника.

«По окончании сего наказания, спрошены были все ненаказанные арестанты, каются ли они в своем преступлении и прекратят ли свое буйство. Но, как они единогласно сие отвергли, то начальник штаба поселенных войск, с согласия моего, приказал из них взять первых возмутителей и наказать на месте же шпицрутенами, а толпа преступников, под арестом находящаяся, только тогда пришла в повиновение и начала просить помилования, когда наказано из них было 15 человек.

«В то же самое время наказание прекращено, и все арестанты, не бывшие под судом, приведены вновь к присяге».

Донесение это настолько красочно, что не нуждается ни в каких пояснениях. Мы видим, что Аракчеев был артистом своего дела, производившим истязания крестьян с чувством упоения и восторга. Каким неприкрытым торжеством над жертвами его правосудия звучат, например, следующие слова из того же письма:

«Приказал я представить себе находившихся на общественной полковой роте 438 нижних

СОУНБ им. В. Г. Белинского

чинов поселенных и резервных эскадронов, бывших в числе ослушников, и, отобрав из них зачинщиков, отправил оных под арест, а остальным объявил, чтобы кающиеся в своем преступлении немедленно пали на колени и просили прощения. К удовольствию моему, сие исполнилось в одно мгновение, и я, оставя их на сем положении на коленях, приказал действующим эскадронам следовать в свои казармы мимо них, а потом, сделав им должное наставление, простил и распустил по домам».

Александр I не протестовал против такой расправы и однажды (по поводу бунта в Новгородской области) произнес даже свои знаменитые слова: «Военные поселения будут существовать, хотя бы мне пришлось для этого уложить человеческими трупами всю дорогу от Петербурга до Новгорода».

Этот «благословенный», как прозвали его льстецы, царь отличался большой настойчивостью в своих стремлениях. В военных поселениях он видел двоякое преимущество: во-первых, они должны были сократить расходы государства на содержание армии, а во-вторых — выделить «надежные» кадры войск, могущие послужить опорой трона.

СОУНБ им. В.Т. Белинского

Хотя ни одна из этих задач не была достигнута, Аракчеев старался представить все в блестящем виде, а вспыхивавшие среди крестьян волнения объяснял влиянием на них отдельных неблагонадежных личностей.

При объезде военных поселений, царь всегда оставался доволен результатами осмотра и выражал благодарность в письмах к своему любимцу. Но какими путями достигался этот внешний лоск, видно из анекдота, приводимого в записках одного из современников.

«Граф Аракчеев, — пишет он, — упросил однажды Александра I взглянуть на обновленный быт поселян, на чистоту их домашней жизни, на обилие в средствах продовольствия. Государь, к удовольствию своему, заметил на столах в обеденное время хорошие щи, квас и жареных поросят; полы в домах были будто новые, потому что крестьян обязывали застилать их в будни рогожами. Орлов был догадливее: он отрезал в первой избе ухо поросенка, а в пятой приставил его на свое место к голове странствующего по избам животного. Пока император улицею переходил из избы в избу, поросенок задворками переносился со стола на стол в другие дома».

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Любопытную картину внешнего благополучия крестьян рисует и генерал Маевский.

«В поселении, — пишет он, — повивальные бабки, родильные ванны, носилки, отхожие места — все царское. В больнице полы доведены до паркетов, но больные не смеют прикасаться к ним, чтобы их не замарать, и вместо того, чтобы выходить через дверь, прямо прыгают с кровати в окно. У каждого поселенного полка — богатая мебель и серебряный сервиз. Но мебель хранится, как драгоценность, и на ней никто не смеет сидеть. То же и с офицерами: они не смеют ни ходить, ни сидеть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано им для употребления».

В своей правительственной деятельности Аракчеев заботился не столько о внутренней сущности дела, сколько о показной стороне его. Соблюдение внешних форм — вот то, чего он неуклонно добивался всю жизнь от подчиненных.

В этом отношении Аракчеев был типичным представителем своей эпохи и выполнял лишь волю царя. Известно, что Александр I, подобно ряду своих предшественников, придавал больше значения внешности, чем сути дела.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Особенно ярко проявлялась эта черта в порядках, насаждаемых среди гвардии и армии.

Порядки в армии.

Никогда еще, по отзыву опытных генералов того времени, не придавалось такого значения разного рода внешним мелочам, совершенно не существенным с точки зрения военного искусства, какое наблюдаем мы в период расцвета «аракчеевщины».

Вот что пишет по этому поводу генерал Сабанеев в своем письме к Киселеву от 11 декабря 1820 года:

«На смотрах государь видит одну внешность, и все прочие думают только о ней. У всякого в голове смотры, учебные шаги, хорошая стойка, быстрый взгляд, вытянутый носок. Все сии ничтожные для истинной цели военной службы предметы настолько всех поглотили, что нет минуты заниматься полезными предметами».

И обмундировка и движение войск были направлены действительно к удовлетворению скорее эстетических [1], чем военных требова-

---

[1] Эстетический—красивый.

Собственность В.Г. Белинского

ний. Красивая внешность преобладала над всем остальным, и при взгляде на изображение тогдашнего солдата его можно, по справедливому замечанию одного исследователя, «принять скорее за балетного танцовщика, предназначенного доставлять удовольствие глазу, чем за воина, которому приходится жить среди всякого рода лишений для защиты отечества».

Затянутые в узкие мундиры, с тяжелыми ранцами на плечах и неудобным кивером, державшимся на голове чешуйчатым ремнем под подбородком, солдаты должны были маршировать так, чтобы корпус не дрогнул и вытянутые носки находились бы на одной линии. Ретивый командир ложился иногда на землю и смотрел на общую линию поднятых ног.

В некоторых частях, чтобы приучить солдат к размеренной поступи, на кивера ставились стаканы, наполненные водой, и солдат заставляли маршировать так, чтобы не расплескать воду.

Для сохранения за фронтом единообразия, молодых солдат гримировали, налепляя им искусственные усы.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Ко всем этим мучительным и тяжелым мелочам присоединялось еще грубое обращение. Полковые командиры из угождения Аракчееву старались перещеголять друг друга в жестокостях с солдатами.

Один из любимцев Аракчеева, полковник Фрикен, вырывал у солдат клочьями волосы и бил их эфесом сабли по голове. Несмотря на существовавшую тогда железную дисциплину, полк, доведенный таким обращением до отчаяния, однажды чуть не поднял своего командира на штыки.

Не церемонились даже с лейб-гвардией[1], что привело к столь нашумевшему тогда бунту в Семеновском полку.

Происшествие это явилось результатом не только общих, но и местных условий.

По окончании заграничных походов, в Семеновском полку сосредоточилось много просвещенных офицеров, которые всячески старались облегчить тягости военной службы, борясь с применением телесных наказаний и устраивая для солдат библиотеки. Пока во главе полка стоял сочувствующий этим начинаниям генерал Потемкин, все шло гладко,

[1] Гвардейскими назывались полки, предназначенные для охраны царя.

Собрание им. В. Г. Белинского

но когда на его место был назначен грубый фронтовик Шварц, картина резко изменилась. Новый начальник усердно принялся насаждать суровую дисциплину, подвергая солдат всяческим истязаниям, носившим нередко весьма оскорбительный характер.

При таком положении вещей, неудивительно, что чаша солдатского терпения переполнилась.

16 октября 1820 года, возвращаясь с учения в казармы, первая рота подала начальству жалобу на Шварца. Усмотрев в этом действии «ослушание и своевольство» нижних чинов, корпусный командир приказал немедленно арестовать всю роту и отправить ее в Петропавловскую крепость. Тогда заволновались другие роты полка и, выбежав самовольно из казарм, пытались освободить арестованных товарищей.

Переговоры с восставшими не имели успеха. Они упорно твердили, что «не могут более сносить притеснений полковника Шварца», и отказывались строиться во фронт, так как нет с ними первой роты. Когда же начальство, исчерпав все доводы, пригрозило им возможностью ареста, они немедленно отправились в

Собрание им. В. Г. Белинского

крепость, продемонстрировав еще раз свое сочувствие пострадавшим товарищам.

Александр I, находившийся в это время за границей, приписал неповиновение солдат пропаганде тайных обществ и решил принять самые крутые меры. 2 ноября последовало раскассирование (разброска по частям) Семеновского полка. Все виноватые были преданы военному суду, приговорившему зачинщиков к смертной казни, замененной по амнистии ссылкой на каторгу.

После истории в Семеновском полку, правительство еще более усилило режим, что отразилось прежде всего в области цензуры и народного образования.

Борьба с просвещением.

Согласно изданным цензурным правилам, запрещалось касаться в печати вопроса о крепостном праве.

При министерстве полиции был учрежден особый комитет для пересмотра уже одобренных или напечатанных с одобрения цензуры книг. Реакционное отношение этого комитета стало давить и на цензора. Цензоры, просматривавшие книги, были сильно напуганы. В

СОУНБ им. В. Г. Белинского

своем усердии перед правительством они доходили подчас до невозможных крайностей.

Цензурные архивы весьма богаты любопытной хроникой по запрещению отдельных книг.

Особенно прославился в этом отношении цензор Красовский, представлявший собой тип отъявленного лицемера и ханжи. Вот несколько замечаний его на стихотворный перевод «Стансов к Элизе» Вальтера Скотта:

1) «Улыбку уст твоих небесную ловить»...— пишет поэт.

— Слишком сильно сказано, — замечает по этому поводу Красовский, — женщина не достойна того, чтобы улыбку ее называть небесною.

2) «И молча на тебе свои покоить взоры».

— Тут есть какая-то двусмысленность.

3) «И поняла, чего душа моя искала»...

— Надобно пояснить, чего именно, ибо здесь дело идет о душе.

4) «Что в мненьи мне людей? Один твой нежный взгляд дороже для меня вниманья всей вселенной»...

— Сильно сказано. К тому ж, во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием которых дорожить должно.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

5) «О, как бы я желал пустынных стран в тиши безвестной близ тебя к блаженству приучаться»...

— Таких мыслей никогда рассеивать не должно; это значит, что автор не хочет продолжать своей службы государю для того только, чтобы всегда быть с своею любовницею; сверх сего, к блаженству можно только приучаться близ евангелия, а не близ женщины.

6) «О, как бы я желал всю жизнь тебе отдать!»...

— Что же останется богу?

7) «У ног твоих порой для песни лиру строить»...

— Слишком грешно и унизительно для христианина сидеть у ног женщины.

8) «И на груди твоей главу мою покоить»...

— Стих чрезвычайно сладострастный!

9) «Тебе лишь посвящать, разлуки не страшась, дыханье каждое и каждое мгновенье, и сердцем близ тебя, друг милый, обновясь»...

— Все эти мысли противны духу христианства, ибо в евангелии сказано: кто любит отца своего или мать паче мене, тот несть мене достоин.

Этот же цензор запретил однажды книгу «О вредности грибов» — на том основании,

СОУНБ им. В. Г. Белинского

что грибы являются постной пищей православных и писать о вредности их значит подрывать веру и распространять неверие. Изображая из себя поборника нравственности, Красовский разрешал к напечатанию картинки только в том случае, если платье у женщин было нарисовано ниже колен.

Не был свободен от дикого гнета и театр, где ставились пьесы преимущественно «патриотического» содержания. Но особенно ярко проявилось это в области народного просвещения.

Целый ряд самых бессовестных карьеристов, желая подделаться под господствовавшее в придворных кругах настроение, объявил форменный поход против светского образования. Ученые, пытавшиеся отстаивать независимость науки от религии, подвергались беспощадному преследованию.

По доносу попечителя Рунича, усмотревшего, что в Петербургском университете «преподается учение на правилах разрушительных», четыре лучших профессора того времени — Герман, Раупах, Галич и Арсеньев — были преданы суду по обвинению «в маратизме и робеспьеризме»[1]. Процесс этот тя-

[1] Робеспьер и Марат—вожди Великой французской революции.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

нулся в течение нескольких лет и был прекращен лишь при Николае I, за отсутствием состава преступления.

Но все эти факты бледнеют перед деятельностью Магницкого, который начал свою службу еще в период увлечения правительства конституционными проектами. Он держал себя в то время, как очень добродушный и остроумный человек, умевший поддерживать веселье в обществе. Таланты эти приблизили Магницкого к семье всесильного тогда статс-секретаря Сперанского и обещали блестящую будущность. Но неожиданная опала Сперанского резко изменила положение вещей. Магницкий угодил в ссылку. Затем он какими-то путями сумел снискать расположение Аракчеева и получил место симбирского губернатора.

Надеясь добиться дальнейшего повышения по службе, Магницкий подал донос на непорядки в Казанском университете. Главное управление училищ поручило ему тогда произвести ревизию. Пробыв в университете всего несколько дней, Магницкий пришел к убеждению, что там гнездится измена.

Особенно возмутило его то обстоятельство, что в списке почетных членов университета

СОЧЕВИМ В.Т. Белинского

значилось имя аббата [1] Грегуара, который во время французской революции, вместе с членами национального собрания, подписал смертный приговор Людовику XVI (королю).

Закончив ревизию, он составил доклад, где настаивал на необходимости закрыть университет «с публичным стен оного разрушением». Начальство оценило должным образом такое рвение и назначило Магницкого попечителем Казанского университета.

Картина теперь несколько переменилась. Бывший весельчак стал разыгрывать роль монаха, громить разврат и проповедывать поход против светской науки.

Он коренным образом изменил порядки, существовавшие в Казанском университете, превратив его в какое-то монастырское общежитие.

Занятия всегда начинались с молитвы. Студента, нарушившего университетские правила, объявляли «грешником» и сажали в карцер, где висело распятие и картина страшного суда. Пока он отсиживал наказание, все другие студенты, вместе с профессорами, должны были ежедневно собираться на молитву о спасении его души.

---

[1] Аббат—настоятель католического монастыря.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

Перед тем как выпустить заключенного из карцера, священник исповедывал его и причащал, при чем студент должен был на картине страшного суда обозначить мелом то место, которое ему было бы уготовлено на том свете, если бы молитвы товарищей не спасли его от этого.

Принятые в университете способы преподавания вполне соответствовали этому режиму, преследуя главным образом религиозные цели. Все науки, по плану Магницкого, делились на две категории: положительные и мечтательные. К первым относилось богословие, ко вторым — все остальные.

Такое положение отразилось и на преподавании отдельных предметов.

Профессор государственного права, например, для выяснения того или иного вопроса должен был обращаться к псалмам Давида и притчам Соломона, а историку предписывалось обходить в своих лекциях революционные эпохи и, опираясь на духовную (завещание) Владимира Мономаха, доказывать, что Россия в области просвещения опередила все страны.

Порядок, установленный в Казанском университете, распространился постепенно и на другие учебные заведения. В этот период вре-

Собственность им. В. Г. Белинского

мени во главе министерства народного просвещения стоял князь А. Н. Голицын, исполнявший одновременно обязанности и обер-прокурора святейшего синода. В таком совмещении в одном лице двух разнородных обязанностей проглядывало желание правительства подчинить дело народного образования тому порядку, который существовал в духовном ведомстве.

Но скоро реакция в школьном деле зашла настолько далеко, что даже деятельность Голицына стала казаться многим патриотам слишком свободомысленной. Несмотря на то, что Голицын был одним из любимых личных друзей царя, против него возник целый заговор, во главе которого стал известный развратник и изувер архимандрит Фотий.

Человек этот действовал довольно бесстрашно, так как имел опору в лице графини Орловой, одной из наиболее преданных ему поклонниц, принесшей в жертву невежественному монаху свое огромное состояние. Связь великосветской женщины с «отрекшимся от мира» монахом давала повод для многочисленных острот, к числу которых относится и насмешливое стихотворение Пушкина:

СОУНБ им. В. Г. Белинского

«Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию».

Так вот этот самый Фотий, видя, что Голицына никак не удается сокрушить, заманил его в дом к Орловой, где торжественно предал анафеме. Александр I принужден был сместить «опозоренного» министра народного просвещения, поставив его во главе почтового ведомства.

Место Голицына занял известный реакционер А. С. Шишков, начавший свою деятельность с заявления, что, по его мнению, «просвещение, не основанное на вере и верности к государю и отечеству, есть мрак и вредное заблуждение».

Вместе с тем Шишков принимается за воспитание народа в направлении, выгодном для интересов дворянства.

В одной из своих записок он настойчиво просит Александра I разрешить переиздать и ввести в качестве руководства для народных училищ книгу «О должностях человека и гражданина», усиленно распространявшуюся некогда правительством Екатерины II. В книге

СОУНБ им. В. Г. Белинского

этой ничего не говорилось о правах, а лишь об обязанностях — к богу, к начальству, к господам. О существующем же строе было сказано, что он никакому изменению не подлежит.

И вот эту-то книгу Шишков собирался сделать обязательным для всех руководством, на том основании, что она «не токмо под особенным надзором императрицы напечатанная, но, судя по слогу и нравоучению, в ней заключающемуся, едва ли не самой ею сочиненная, около 40 лет почиталась полезною и существовала в народных училищах»!

Читая послание Шишкова к Александру I, поражаешься той беззастенчивости и откровенности, с какою он проводит в жизнь узкосословные интересы русского дворянства.

«Всемилостивейший государь!—пишет он.— Ты один можешь укротить сей дух буйства, порывающийся из чужих земель вторгнуться в Россию, никогда о нем не знавшую. Покажи себя защитником православной веры. Будь прямо русский царь, надеющийся на своих подданных. Возвысь дворян — ограду твоего престола! Будь отец народу, но не давай возмущать себя преждевременными внушениями о вольности, вовлекающими его в своевольство».

Собрание им. В. Г. Белинского

Нужно заметить, что послание это вполне отвечало тогдашней обстановке. Александр I, подобно своим предшественникам, продолжал осыпать дворянство различными льготами, нисколько не покушаясь на его растущие аппетиты. Эксплоатация крестьян при нем не только не уменьшилась, но значительно усилилась.

В северных и центральных губерниях, где было выгодно использовать крепостной труд для кустарных ли промыслов или фабрично-заводской промышленности, процветала оброчная система[1]. Количество оброчных крестьян в некоторых местах доходило до 85 процентов, при чем размер оброка сильно повысился по сравнению с временами Екатерины II.

В южных губерниях, отличающихся черноземной почвой, процветала барщинная система[2]. Здесь внимание помещиков сосредоточивалось на получении большей доходности с принадлежавших им земель. В курской губернии, например, 92 процента всех крестьян было на барщине, в Рязанской — 81 процент, в Тамбовской — 78, при чем практиковалась

---

[1] Оброк—обязательные приношения барину натурой или деньгами.

[2] Барщина—бесплатная работа на помещика.

СОУНБ им. В. Г. Белинского

иногда сплошная барщина всю неделю, не исключая и праздников, хотя закон Павла I о трехдневной барщине официально не был отменен.

В некоторых деревнях крестьяне в течение лета не имели ни одного дня для собственной работы и должны были собирать хлеб на отведенных им полях в ночное время. Даже по праздникам господа заставляли работать крестьян на барщине, говоря, что на себя работать грех, а на барина сам бог велит.

Помещики, таким образом, командовали, а крепостные повиновались. Но командовали они не только у себя в усадьбе — они были хозяевами огромного государства, весь правительственный механизм которого служил интересам землевладельческого класса.

Для поддержания такого гнусного «порядка» требовалась хорошая, крепкая палка. Такой палкой и являлся Аракчеев. Человек этот сумел оказаться угодным трем царям, — Павлу, Александру и Николаю, — и по имени этого примерного душителя свободы была названа целая эпоха.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ... ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ... ИМЕНИ В. Г. БЕЛИНСКОГО ...
3453/5

Собрание им. В. Г. Белинского

Цена 20 коп.

СОУНБ им. В. Белинского

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению Издательства Политкаторжан — Москва, Г. С. П.-10, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.

2) Магазину Издательства Политкаторжан „МАЯК" — Москва-центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20